

Татьяна Щурова

«Готов я петь куплеты...»

Не отвергая техническое «оснащение» в современных библиотеках, как то электронный каталог, накопление баз данных и т. п., все же люблю работать с традиционными каталогами нашей ОННБ, где в карточном «репертуаре» непременно каждый раз встречаются любопытные забытые издания. Вот так недавно обнаружилась небольшая книжка «Одесса в стихах»: стихотворения Марка Ярона (Одесса, 1875).

Конечно, эта фамилия ассоциируется, прежде всего, с Григорием Марковичем Яроном (1893-1963), выдающимся артистом, навсегда запомнившимся в старом фильме «Мистер Икс» в роли Пеликана. Его называли «рыцарем оперетты». Любители этого жанра музыкального театра помнят, что Г. Ярон был одним из основателей Московского театра оперетты, его первым художественным руководителем, а также режиссером и блистательным актером, виртуозно владевшим приемами буффонады, эксцентрики, гротеска. Кто-то читал мемуары артиста «О любимом жанре» (М., 1963) и знает, что его предки были из Одессы.

Шарж Бориса Ефимова

Да, книга «Одесса в стихах» принадлежит перу отца Ярона Марку Григорьевичу, начинавшему в Одессе репортером, попробовавшему затем себя здесь в качестве антрепренера, а потом ставшему известным столичным переводчиком и либреттистом оперетт. К сожалению, о нем не писали исследователи одесской журналистики конца XIX века (он печатался в «Одесском листке»), и почти нет сведений о его дальнейшей деятельности в театрах Москвы и Петербурга.

Пожалуй, лишь публикации историка театра Валерия Семеновского (кстати, одессита по рождению) о семье Яронов на материалах, тщательно собранных им в архивах, дают представление об этих людях. Уверены, вы получите удовольствие, прочитав его статьи «Семейный портрет» («Театр», 1983, № 4) и «Ваши проблемы уже не ваши» («Всемирные одесские новости», 2000, № 1).

Харизматичным был дед великого артиста, одесский ветеринарный доктор Григорий Ярон, познавший, что театр – «волшебный край», но, тем не менее, запрещавший своим сыновьям-отрокам посещать галерку оперного. Кончилось это тем, что все четверо после окончания гимназии тайно крестились и бежали из отчего дома. Каждый из них так или иначе связал свою жизнь с театром. Нас в данном случае интересует Марк, отец Г.М. Ярона и автор найденной книжки. Читаем у В. Семеновского: «Четвертый брат, Марк, едва ли не с младенчества сотрудничал в одесских газетах. Поставляя заметки в несколько строк, относился к ним с таким трепетом, словно это были произведения искусства. Он свято верил, что не одной, так другой заметкой сделает себе имя, завладеет умами либеральной интеллигенции и заодно перестанет быть бедным родственником на празднике жизни. Он писал рецензии, очерки, репортажи, вел театральную и уголовную хронику, а в особенности

Марк Ярон

преуспел как автор стихотворных фельетонов, составив конкуренцию такому зубру, как Дорошевич. Конечно, Дорошевич тоже писал неплохо, но все-таки не в рифму, а прозой. Поэтому среди подписчиков «Одесского листка» разгорались дебаты: сторонники Дорошевича утверждали, что главное – это смысл, а сторонники Марка Ярона, что прозой – может каждый дурак. У этого фонтанирующего человека были и другие замечательные таланты. К примеру, он на спор проделывал следующее. Читая французскую газету, вслух переводил ее на английский и тут же с английского – на немецкий, постепенно увеличивая скорость чтения и перевода, пока наконец три языка не сливались в один...».

Однако при всех своих талантах он не умел сосредоточиться на выбранном деле. Попробовал себя в Одессе в антрепризе – не получилось, затем поступил в Москве в университет на историко-филологический факультет, но «в результате одесские редакции сменились на московские», пошли публикации в популярных юмористических изданиях – «Будильнике», «Осколках» и др. (там же печатался и А.П. Чехов, который, правда, в письме советовал своему брату «держаться подальше от людей, подобных Марку Ярону...»).

Многое было намешано в этом человеке. У него были интересные знакомства. Свою книжку «Одесса в стихах» он посвятил Виктору Людвиговичу Форкатти, антрепренеру провинциальных театров, а сначала популярному провинциальному актеру. В Москве он сотрудничал с Михаилом Валентиновичем Лентовским, «отцом русского опереточного театра», бывшим куплетистом, водевильным и опереточным актером провинции, сумевшим в театре «Эрмитаж» раскрыть и утвердить оперетту как жанр музыкального театра. В этом театре Марк Ярон был переводчиком и текстовиком, перевел на русский язык буквально все либретто венских оперетт. Здесь же он познакомился со своей будущей женой известной певицей Элеонорой Мелодист, которая уже в Петербурге родила ему сына Гришу, с детства проявлявшего «ненормальную страсть к публичности». К счастью, родители не сумели отговорить мальчика от поступления в театральную школу, за что зрители нескольких поколений были им благодарны...

Марк Ярон вдохновенно сочинял стихи и куплеты для эстрады. Они вошли в книжку «Одесса в стихах» и в сборники «Живая струна», печатавшиеся в Петербурге (видимо, эти книжки имели успех, ибо неоднократно переиздавались). Будем откровенны: стихотворные опусы М. Ярона остались в своем времени, далеко не всегда понятно, кто из его современников подвергался критике в куплетах:

Ахъ, времена ужасныя какія.

«Ахъ, времена ужасныя какія!
Принявшись за дѣла, твердитъ банкиръ:
Убытки отъ банкротствъ терплю большіе,
Отъ безденежья бѣдствуетъ весь міръ.
Банкирамъ всѣмъ грозитъ и разоренье.
Нѣтъ! Осталось банкирамъ лишь одно:
Оставить всѣ дѣла безъ замедленья
И... банкиръ принялся за вино.

«Ахъ, времена ужасныя какія!
Отправься въ магазинъ, купецъ твердитъ:
Торговля не идетъ, все барыши плохіе,

И потеряли мы и деньги и кредитъ.
Оставимъ лучше мы торговлю-то въ покоѣ,
И, потрудясь всѣ счеты свести,
Мы примемся за ремесло другое
И... купецъ велѣлъ очищенной принести.

«Ахъ, времена ужасныя какія!
Твердитъ чиновникъ, сѣвши за дѣла:
Прошли тѣ времена благія,
Когда чиновнику жизнь рай была.
Теперь какая за труды награда,
Когда нельзя намъ больше взятки брать?
Нѣтъ, эту службу скоро бросить надо
И... чиновникъ водочки велѣлъ подать.

«Ахъ, времена ужасныя какія!
Принявшись за труды, твердитъ мужикъ:
Неурожаи, у меня долги большіе,
А дома у меня семья, отецъ – старикъ.
Нѣтъ, лучше брошу я работу въ полѣ,
Хоть у другаго буду я батракъ,
Все-жъ зарабатывать я буду болѣ
И... мужикъ отправился въ кабакъ.

Съ новымъ годомъ.

Всюду къ новому страсть велика,
Всѣмъ утѣху оно доставляетъ;
Тѣшитъ новое домъ бѣдняка,
Всѣхъ богатыхъ оно занимаетъ.
Посему первый день января
Всѣ встрѣчаютъ особеннымъ родомъ:
Всюду праздникъ, веселье съ утра,
Поздравляютъ вездѣ съ новымъ годомъ.

Всѣ съ визитами ѣдутъ съ утра,
(Ужь таковъ нашъ обычай потѣшный)
Всѣ желаютъ другъ другу добра, –
А какъ всѣ, такъ и я многогрѣшный
Чту китайскій обычай отцовъ
И приверженъ, какъ женщины, къ модамъ,
Такъ поздравить и я всѣхъ готовъ
Съ новымъ годомъ.

Ты, старикъ, съ капиталомъ большимъ,
На любовницу тратя имѣнье,
Полагаешь, что ею любимъ,
Что вѣрна такъ тебѣ безъ сомнѣнья.
А она, оставаясь съ другимъ,
Вѣдь тебя-жь величаетъ уродомъ.
Пей, довольный блаженствомъ своимъ.
Съ новымъ годомъ!

Ты, кутила, совсѣмъ не къ добру
Получивъ капиталъ отъ отца,
Все на женщинъ, вино и игру
Ты бросаешь теперь безъ конца.
Но пройдутъ года три, ты умрешь
Гдѣ-нибудь подъ загрязненнымъ сводомъ.
Пей, пока есть въ карманѣ хоть грошъ.
Съ новымъ годомъ!

Ты, кассиръ, обирая казну
Въ той конторѣ, гдѣ служишь кассиромъ,
Взявъ съ богатымъ приданнымъ жену,
Сталъ вращаться межъ знатымъ лишь міромъ.
Но откроютъ грабежъ твой, сошлютъ
По Владимирской къ мѣднымъ заводамъ.
Пей, пока не попалъ ты подъ судъ.
Съ новымъ годомъ!

Ты, служащій по земству затѣмъ,
Чтобъ достигнуть скорѣй капитала,
О народѣ не мыслишь совсѣмъ,
Обираешь его какъ попало.
Но узнаютъ тебя и тотчасъ
Между цѣлымъ проклянуть народомъ.
Пей, пока не ударилъ твой часъ.
Съ новымъ годомъ!

Всѣхъ, хотящихъ супругами стать
Изъ-за денегъ, не изъ-за невѣсты;
Всѣхъ, кому суждено попадать
За грабежъ въ остроги, подъ аресты;
Всѣхъ, кто тратитъ всѣ мужа гроши,
Разъѣзжая по лавкамъ и модамъ; –
Поздравляю теперь отъ души
Съ новымъ годомъ!

Одесскіе типы.

I.

Недурень, хоть и толстъ; у него борода
Во французскомъ иль англійскомъ родѣ;
Ужъ не молодъ, однако и нынѣ всегда
Одѣвается только по модѣ.
Онъ на улицу выйдетъ едва,
У него ужъ ріпсе-pez на жилетѣ, –
А на лбу роковыя слова:
«Я подлець, какихъ мало на свѣтѣ.»
Онъ жену всѣмъ готовъ передать:
Вѣдь и самъ онъ купилъ ее тоже,
Отчегожъ и другимъ не продать,
Но, понятно, гораздо дороже.
Онъ былъ шулеромъ, плутомъ весь вѣкъ,
Во всѣхъ клубахъ картежныхъ извѣстный,
Вотъ предъ вами, друзья, человекъ,
Всѣмъ знакомый: Я ... прелестный.

II.

Рисовать его портрета
Я не буду вамъ,
Такъ какъ разузнать, кто это,
Можно по дѣламъ.
Былъ прикащикомъ. Женился,
Сдѣлался богатъ,
Въ нашемъ банкѣ пріютился,
Сталъ аристократъ.
Всѣ купцы предъ нимъ снимаютъ
Шапки. Отдаютъ
Все, чего ни пожелаетъ.
Въ домъ къ себѣ зовутъ.
Славно всѣ дѣла устроилъ,
Какъ при банкѣ былъ.
Нѣсколько домовъ построилъ,
Дачу вдругъ купилъ.
Пропастъ денегъ взялъ онъ въ банкѣ
Именемъ купцовъ;
Векселя поддѣлалъ, бланки,
Надувалъ глупцовъ.
Въ банкѣ нашемъ ловко правилъ,
Какъ извѣстный магъ Эпштейнъ;
И Одессу вдругъ оставилъ.
Вотъ вамъ Яковъ Г.....

Загадки Одесситамъ.

Кто отъ города (ну, кто-же)
Взялъ заботу о печати
И беретъ въ пять разъ дороже?
Кто? А....

Кто, имѣя здѣсь значенье,
Правитъ кассой, какъ Заблоцкій,

Хоть и гений, безъ сомнѣнья?
Кто? Б.....

Кто относится въ газетѣ
Ко всему всегда злорадски
И ругаетъ все на свѣтѣ?
Кто? В....

Кто, громадную контору
Здѣсь имѣя, (просто жалко)
Подражаетъ вѣчно вору?
Кто? Г....

Кто у насъ, бюро имѣя
Съ деньгами различныхъ видовъ,
Сталъ банкротомъ, не краснѣя?
Кто? Д....

Кто изъ богачей (всякъ знаетъ,
Что онъ человѣкъ не свѣтскій),
Всѣмъ свинью напоминаетъ?
Кто? Е.....

Кто у насъ такъ нравомъ кротокъ,
Что плоды своей земли
Тратитъ только на коготокъ?
Кто? М.....

Кто у насъ всѣхъ забавляетъ?
(Онъ не воинъ и не флотскій,
А газету составляетъ).
Кто? Н.....

Кто, въ газетѣ смысла мало,
Изъ какихъ-то странныхъ видовъ,
Сталъ издателемъ журнала?
Кто? О.....

Кто сотрудиць обижаєть,
Дамъ третируєть канальски,
Всѣхъ въ любовницъ приглашаетъ ?
Кто? С.....

Кто изъ думскихъ измѣняетъ
Убѣжденія частенько,
А другихъ въ томъ упрекаетъ?
Кто? Я.....

Прибавленіе къ «святой истинѣ»

«Говорятъ, что людямъ съ головою
Всегда отлично межъ людьми;
Но быть въ Одесской думѣ головою
Гораздо лучше, чортъ возьми!
Ей-Богу, я-бъ, совсѣмъ не разсуждая,
Мѣстечко это для себя избралъ.
– Ваша рѣчь истина святая,
Я ничего умнѣе не слыхалъ.

Говорятъ, народа просвѣщенье
Для государства есть доходъ.
Но людямъ газовое освѣщенье
Гораздо болѣе даетъ.
И въ газовое общество вступая,
Ты богачомъ немедленно ужъ сталъ.
– Ваша рѣчь истина святая,
Я ничего умнѣе не слыхалъ.

Говорятъ, торговлей занимаясь,
Богатство можно накопить,
Но этимъ ремесломъ не увлекаясь,
Концесію лучше захватить.
Ей-Богу, это штука ужъ такая,
Что наживаешь живо капиталъ.

– Ваша рѣчь истина святая,
Я ничего умнѣе не слыхалъ.

Говорять, печатное молъ слово
Отлично учить нашъ народъ.
Но не видалъ я дурака такого,
Что слово даромъ раздаетъ.
Что-бъ кто-нибудь, газету издавая,
Былъ не богатъ, я право не видалъ.
– Ваша рѣчь истина святая,
Я ничего умнѣе не слыхалъ.

Говорять, что деньги трудовыя
Всегда въ почетѣ у людей.
Но въ городѣ построить мостовыя
Гораздо прибыльнѣй, ей-ей!
Одна готова только мостовая,
А въ думѣ ты ужъ тысячи набралъ.
– Ваша рѣчь истина святая,
Я ничего умнѣе не слыхалъ.

Четверостишія, посвященныя труппѣ 1875/6 года.

Милославскому

Талантъ огромнѣйшій имѣеть безъ сомнѣнья,
Артистовъ эдакихъ у насъ вѣдь много нѣтъ,
Межъ тѣмъ въ дирекціи онъ терпитъ притѣсненья,
«Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ?»

Киселевскому

Талантъ имѣете, но васъ ругаютъ въ прессѣ
За то, что любите кричать необычайно.
Когда я видѣлъ васъ на дняхъ въ какой-то пьесѣ,
«Перепугалъ меня вашъ голосъ чрезвычайно».

А. Ленскому

Играете всегда обдуманно, умно,
Артиста всякій въ васъ хорошаго найдетъ.
Но вамъ недостаетъ на сценѣ лишь одно:
«Вы, сударь, камень! Сударь, ледь!»

Однако стихотворение «Там...» из сборника «Живая струна» (1900) звучит и сегодня актуально, несмотря на свою доверчивую наивность:

М. Ярон

Там...

Где немислимы интриги,
И живетъ чудно всем,
Где в громадном спросе книги,
И не знают карт совсем.
Где прекрасны все условия,
И не ведает народ
Сплетен, лжи, клевет, злословья,
Грусти, горя и невзгод,
Где любовь на первом плане,
Не царит над всем расчет,
И за лишній грош в кармане
Брат на брата не встает,
Помощь ближнему громадна,
Быть в нужде никто б не мог,
И не смотрят люди жадно
На общественный пирог,
Где никто не может даже
Тунеядцем быть весь век,
И понятия о краже
Не имеет человек,
Неизвестны протоколы,
Не бранится муж с женой,
Процветают всюду школы,
И тюрьмы нет ни одной,

Нет борьбы из-за наживы,
Презираются «дела»,
Люди кротки, не спесивы
И совсем не знают зла,
Дорожат чужою честью
И своей не лишены,
Не берут позорной лестью,
Никогда не гнут спины,
Где подставить ближним ногу
Нет желания ни в ком,
И выходят на дорогу
Добросовестным трудом,
Не находит для «панамы»
Почвы нравственный урод,
Нет влияния рекламы
И губительных нет мод,
Где живут все по бюджету,
Прибегать боясь к долгам,
Там (скажу вам по секрету,
... было бы всем нам).

Живая струна: Сборник стихотворений и куплетов.

Изд. 8, вновь исправл. и дополн. СПб., 1900

